

В. В. Лапин

Крепость Александрополь — пространство имперской интеграции. Символический аспект*

История вооруженных сил является одной из наиболее перспективных площадок для изучения диалога носителей различных представлений об устройстве мира. В одной локации, в едином нормативном поле (военные уставы и освященные традицией практики) оказываются люди, для которых изначально армейская среда (культура) ни по каким параметрам не является «родной». При этом сами воинские части ни на минуту не оказывались в изолированном положении, находясь в постоянном культурном диалоге с местным населением. Для фиксации границ и характера исследовательского поля интригующим выглядит фокусировка внимания на российской крепости Александрополь (совр. Гюмри), расположенной в Армении. Такой подход нацелен на преодоление одного из главных изъянов работ о военной культуре: их интерналистский характер, когда исследование проводится «без учета взаимосвязи с обществом, региональной и локальной специфики»¹.

Топографические значки, обозначающие крепости на картах Российской империи, можно уподобить узлам, связывавшим ее территорию. Строительство и упразднение твердынь наглядно демонстрировали изменения политической

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325>

географии, имели большое значение на ментальной карте. Главная башня крепости являлась не только архитектурным и военно-техническим элементом, но и доминантным объектом в символическом и политическом пространстве.

Один из таких узлов был завязан в первой трети XIX в. в Закавказье, когда выяснилось важное значение селения Гумры (так этот пункт именовался в российских документах) в провинции Шурагель как опорного пункта и для наступательных действий против персов и турок, и для защиты Грузии от этих противников². Кроме того, крепость служила российским форпостом в Армении. Она прикрывала Эчмиадзин — резиденцию главы Армянской апостольской церкви. Провинция Шурагель до прихода турок называлась Ширак и была в IX–XI вв. сердцем Великой Армении. Недалеко от Александрополя за рекой Ахурян (тюркское название — Арпачай) находятся величественные руины города Ани — древней армянской столицы в эпоху легендарного правителя Гагика I. Для империи, провозгласившей себя защитницей православия, основание на границе христианского и мусульманского мира крепости, на главном флажке которой развевается флаг с крестами, также было важным символическим актом.

Уже в ходе войны с Ираном 1804–1813 гг. там были возведены земляные укрепления, сделаны запасы и расположен постоянный гарнизон. В 1836 г. в Гумрах началось строительство замкнутой ограды из шести каменных бастионов, соединенных куртинами в виде так называемых оборонительных казарм. В 1837 г., во время своего путешествия по Кавказу, Николай I велел переименовать в Александрополь и новую крепость, и древнее селение, присвоив последнему статус города³. Название было красивое, но совершенно не русское и неудобное в произношении. Поэтому народ его переименовал в Алекполь, подобно тому, как Ораниенбаум — в Рамбов, а Шлиссельбург — в Шлюшин.

Крепости всегда и везде служили местом притяжения оседлого населения, стимулировали развитие ремесел и торговли. Практически все города Северного Кавказа выросли возле укреплений, основанных в XVIII–XIX вв. В данной статье особое внимание сконцентрировано на символике новой твердыни на южных рубежах Российской империи, на меседжах, «зашифрованных» в ее топонимике, архитектуре и воинской рутине, невольным свидетелем чего были местные жители.

Вестернизация России в эпоху Петра I отразилась в окончаниях названий нескольких городов (Санкт-Петербург, Ямбург, Шлиссельбург, Екатеринбург). Отзвуком Греческого проекта Екатерины II было не только появление на российских улицах и площадях элементов античной архитектуры, но и основание в южных регионах поселений с характерным окончанием «-поль» (Севастополь, Симферополь, Никополь, Овидиополь, Ставрополь, Григориополь). Ее державные внуки Александр и Николай продолжили традицию, переименовав населенные пункты с откровенно восточными именами (Гянджа и Гумры) в откровенно «греческие» — Елизаветполь и Александрополь.

Вышеупомянутым указом 1837 г. строившуюся в Польше крепость Демблин Николай I переименовал в Ивангород, что являлось прямым вызовом полякам. Для многих иностранцев слово «иван» — не имя, а обозначение россиянина. Так звали генерала-фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича, ненавидимого в Польше. Именно он командовал русскими войсками при подавлении восстания 1831 г., он же инициировал строительство крепости в важной стратегической точке. Крепость Модлин после подавления польского восстания 1831 г. рассматривалась как один из инструментов контроля над Польшей и была переименована в Новогеоргиевск. При реконструкции ее части (фронты) получили названия, напоминавшие о победах русского оружия, оказавших негативное влияние на судьбу Польши (Парижский, князя Варшавского (фельдмаршала И. Ф. Паскевича), Бородинский, Св. Георгия, Полтавский, Остроленский)⁴.

Считается, что крепость и город Александрополь были названы в честь супруги Николая I императрицы Александры Федоровны. В 1842 г. там освятили церковь святой Александры Римской — ее небесной покровительницы, память о которой связана с культом Святого Георгия Победоносца, поскольку этот воин-мученик своими чудесами подвиг Александру — жену римского императора-язычника Диоклетиана, принять новую веру. И казнена она была вместе со своим вдохновителем.

Очень заманчиво связать имя новой крепости с устойчивой традицией по возможности следовать примеру Александра Македонского, который назвал Александрополем один из городов, основанных им в Азии. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор М. С. Воронцов, установивший в 1845 г. обелиск в честь победы при Кагуле, 21 июля (1 августа) 1770 г. в своем рапорте об этом ловко сплел имена Петра Александровича Румянцева (победителя в той битве), Александра Филипповича Македонского и Николая Павловича Романова. Ловкий царедворец сравнил стелу на реке Прут, которая стала границей Турции и России после победной войны 1828–1829 гг., с колонной, поставленной великим античным полководцем на границе своих владений во время Индийского похода⁵.

Закавказье наряду с Крымом затрагивало особо чувствительные струны в душах российских военных, поскольку эти места имели прямое отношение к античности, на примерах из которой учились стратегии и тактике многие поколения военачальников. В 401 г. до н.э. в снегах зимней Армении хоронили своих товарищей греки знаменитого отряда Ксенофонта, пробившегося через Курдистан от верховьев Евфрата к побережью Черного моря. Именно на Армянском нагорье сам Александр Македонский в 331 г. до н.э. при Гавгамелах разгромил войско персидского царя Дария III, а Помпей Великий в 67–64 гг. до н.э. победил Митридата VI и Тиграна II Великого. Офицер, зубривший в кадетском корпусе историю военного искусства, получив назначение в Эриванскую губернию, оказывался там, где карта из учебника совпадала с окружающей местностью.

Кровь, пролитая в боях на некой территории, традиционно является весомым аргументом в претензиях на таковую. Более того, жертвы придают местам сражений сакральный характер. Шурагель — место боев в 1806–1812 и 1828–1829 гг. В июне 1807 г. недалеко от селения Гумры, на берегу пограничной реки Арпачай корпус генерала И. В. Гудовича разгромил превосходящую по численности турецкую группировку⁶.

Церковь святой мученицы царицы Александры по проекту А. Е. Штауберта (1780–1843) стала копией храма св. Александра Невского, построенного на противоположном рубеже империи в 1822–1827 гг. в крепости Бобруйск. Церковь в Александрополе была одной из 691 принадлежащей военному и морскому ведомству (за исключением корабельных). Из них 72 находились на Кавказе и еще 174 — за пределами так называемых «коренных русских губерний»⁷. Наследие Штауберта — важный элемент пейзажа Санкт-Петербурга (Михайловское артиллерийское училище, Николаевское кавалерийское училище, казармы лейб-гвардии Московского и лейб-гвардии Егерского полка, Морская тюрьма в Новой Голландии и т. д.). По мнению авторитетных искусствоведов, эти здания «проникнуты духом николаевского ампира»⁸. Автор исследования об архитектурно-историческом комплексе Омской крепости, анализируя характер планировки и декора многих зданий (казармы и различные служебные корпуса), сделал следующий обоснованный вывод: «...в западном секторе крепости сформировался целостный архитектурный ансамбль в стиле классицизма, напоминающий уголок военного Петербурга»⁹.

Тиражирование имперских символов разного рода в самых различных уголках действительно необъятной державы было сознательным и бессознательным запуском механизма интеграции частей этого разнородного политического организма. Все здания, которые назывались «казенными», где обитала «власть», своим обликом создавали у человека соответствующие чувства и мысли, они маркировали границу между государством и обществом. За пределами «коренных губерний» они служили еще и образцами имперской нормы в организации пространства и в облике жилища. Круглые оборонительные казармы в Бресте, построенные по проекту все того же Штауберта, удивительно похожи как на «черную» и «красную» крепости в Александрополе, так и на Морскую тюрьму в Санкт-Петербурге.

В процессе присоединения Закавказья в первой половине XIX в. Россия использовала в качестве опорных пунктов фортификационные сооружения, построенные прежними владельцами по местным, фактически средневековым лекалам (Тифлис, Сурам, Шуша, Дербент, Баку, Ленкорань, Ахалцых, Ахалкалаки и др.). Александрополь стал первой и долгое время единственной в регионе крепостью европейского типа. Только в 1880-е гг. началось возведение Михайловской крепости возле Батуми. Эти последние два оборонительных комплекса радикально отличались от остальных перечисленных не только в военно-техническом отношении, но и планировкой. Главным же в нашем слу-

чае является контрастная разница силуэтов. С одной стороны — высокие стены и стройные башни, противостоящие штурмовым отрядам, с другой — приземистые бастионы, капониры и оборонительные казармы, способные выдержать артиллерийский обстрел. Первая крепость выглядела «азиатской», вторая — «европейской».

Значение топонимики для формирования городской культурной среды не требует развернутого обоснования¹⁰. Названия улиц Александрополя были средством соединения армянского города с имперским пространством, служили напоминанием о военном статусе города и о героических обстоятельствах его основания и бытования. Отсюда — улицы Комендантская и Саперная. Михайловская улица посвящалась великому князю Михаилу Николаевичу (1832–1909), который с 1862 по 1881 г. являлся наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказской армией. Кроме того, архистратиг Михаил был святым, чей лик был уместен на стягах христоролюбивых воинов.

Две улицы — Бебутовскую и Лорис-Меликовскую, можно уподобить струнам для игры как на чувствах армян, так и на чувствах всех чинов, служивших на Кавказе. Эти два генерала-армянина Василий Осипович Бебутов (1791–1858) и Микаэл Тариелович Лорис-Меликов (1824–1888), два строителя Российской империи, занимают первый ряд в символическом пантеоне Кавказской армии, которая сформировала свою собственную когорту героев, свой собственный перечень «мест славы» и свой собственный героический календарь. Свою лепту в славу Кавказской армии внесли брат В. О. Бебутова Давид и сын Николай, дослужившиеся до генеральского чина, а также генерал Иван Егорович Лорис-Меликов.

Эксплуатация образа А. С. Пушкина в разнообразных контекстах — проявление имперской идентичности в большой степени благодаря общеимперскому консенсусу. Великий поэт был и остается в России настолько культовой фигурой, что любое его прикосновение к чему-либо придает объекту налет святости. Улицы, названные в его честь, имелись в значительном числе отечественных городов. Особое значение придавалось фактам личного присутствия или даже упоминания в произведениях или переписке. Пушкин проезжал через Гумры во время войны с Турцией 1828–1829 гг., и Пушкинская улица была ярким напоминанием об этом событии, символом российской идентичности.

Тифлисская и Эриванская улицы — неосознанные реверансы в сторону властей, подобно тому как во многих городах Российской империи были магистральи, напоминавшие о двух столицах — где жил царь и где он короновался. В уездных городах часто имелась улица в честь губернского центра. Такие названия появлялись не от избытка подобострастия, а из-за радиальной организации отечественного административного и экономического пространства. Из столиц управленческие нити (и торговые пути) тянулись в города, где сидели губернаторы, которые, в свою очередь, руководили уездными властями. В России горизонтальные связи поселениям одного статуса были совершенно

ни к чему. В результате улица, являвшаяся продолжением дороги «к начальству», автоматически получала соответствующее название. В Александрополе это — трассы на Тифлис и Эривань. Через Гюмри издавна также лежал путь на Карс, что являлось достаточным основанием для включения имени этого турецкого, а после 1878 г. — российского города в топонимику Александрополя (Карская улица, Карские ворота). Карс трижды брали русские войска (в 1828, в 1855 и в 1877 гг.), и по специфическим законам военной мифологии эта точка на карте стала символом ратной доблести Кавказской армии¹¹.

В официальном справочнике середины XIX в. подчеркивается особый облик этого города: «Из всех городов Закавказья Александрополь имеет наименее характер азиатского города: улицы здесь прямы и широки; во многих местах устроены удобные тротуары; ночью город хорошо освещается. Присутствие большого числа русских и деятельная контрабанда европейскими товарами познакомили народонаселение с потребностями европейской жизни. Все жители более или менее хорошо говорят по-русски, что составляет редкость в других городах Эриванской губернии»¹². Но побывавший в это же время в Закавказье офицер получил совсем иные впечатления: «Александрополь, уездный город Эриванской губернии, хотя большей частью имеет улицы прямые и площади правильные, но будучи построен на местности песчано-каменистой, изрезанной частыми оврагами, кажется неправильным и разбросанным. <...> Русских обывателей было весьма немного, даже чиновники, служащие в уездных присутственных местах и офицеры местного линейного батальона были большей частью туземцы. Поэтому наружный вид Александрополя вполне азиатский»¹³. Противоречие, скорее всего, объясняется субъективностью впечатлений мемуариста, не имевшего, в отличие от офицера Генерального штаба (автора «Обозрения»), представления о других городах края, где «европейские мотивы» вообще нельзя было услышать или увидеть.

В кампаниях 1853–1856 и 1877–1878 гг. армия России владела инициативой, сражения происходили на территории противника, и крепость никогда не сталкивалась с угрозой осады или штурма. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. граница отодвинулась на 120–150 км на юго-запад, и главным опорным пунктом стала бывшая османская твердыня Карс. Александрополь в 1887 г. получил статус крепости-склада, что позволяло рационально использовать множество капитальных сооружений, уже возведенных к тому времени военными инженерами.

К началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Александрополе сформировалась группировка в составе шести пехотных, семи кавалерийских полков и пятнадцати артиллерийских батарей¹⁴. В 1912 г. в Александрополе и в уезде постоянно дислоцировались три пехотных и два кавалерийский полка, несколько артиллерийских батарей, а также инженерные, медицинские, административные учреждения, связанные с армией. Таким образом, в мирное время здесь постоянно располагалось от шести до двенадцати тысяч людей, получа-

ющих жалование по линии военного ведомства, а в годы войны число военных увеличивалось в несколько раз. Поскольку примыкающая к городу равнина была удобна для лагерного расположения войск, туда на учения периодически стягивались части Кавказской армии.

Туземное население Александрополя (в основном армяне) составляло в середине XIX в. около 12 тыс. чел. Кроме того, в уезде проживало 1300 православных военных поселян и 2600 раскольников¹⁵. Данные исследователей практически не расходятся с цифрами официальной статистики. В монографии о городах Закавказья численность населения Александрополя на 1842 г. указывается в 9300 душ, из которых армяне составляли 96 %¹⁶. Таким образом, в самом городе даже в мирное время россиянин в военном мундире был каждым третьим его жителем. Когда же гремели пушки, армяне оказывались в явном меньшинстве.

Гарнизон Александрополя, как и армия в целом, не был един в культурном отношении. В одном воинском коллективе оказывались люди, имевшие мало точек пересечения в гражданской жизни: русский аристократ, получивший блестящее образование и приличное воспитание; его же полуграмотный соплеменник (все интересы — пунш и карты); остзеец, для которого идеал мироустройства — родная лифляндская мыза; поляк и финляндец, мечтающие о независимости своей малой родины с разной степенью затаенности. При этом первый имел трехвековую дворянскую родословную, а у второго отец был аптекарь. В офицерском полковом собрании компанию им могли составить грузинские и кабардинские князья, сыновья армянских священников, азербайджанских беков, осетинских старшин и даже простых крестьян всех племен. Коренные жители Алекполя знакомились как с представителями различных этносов и социальных групп империи, так и с особой армейской общеимперской субкультурой.

Гвардейский поручик Н. В. Яшвиль, генеральский сын с широчайшими связями в столице, в 1877 г. добился перевода в Стародубский драгунский полк. Он писал с Дунайского театра боевых действий: «Офицеры нашего полка все люди хорошие, но жить с ними хорошо только в походе. Ничего общего с ними не имеешь, и потом как-то не можешь с ними быть заодно. Все большею частью выпущены из юнкерских училищ, протрубив 5 и 6 лет в солдатах, так что легко себе представить, о чем можно с ними разговаривать»¹⁷. Другими словами, офицерский корпус не представлял некоего социокультурного монолита, равно как и солдатская масса, причем линии разделения проходили по многим направлениям и были разной глубины.

Поскольку рекрутчина использовалась как механизм социальной санации, в армию отправлялось много лиц с девиантным поведением (пьяницы, хулиганы, ленивые и скандальные)¹⁸. Дворянское звание не являлось залогом высокой нравственности, о чем свидетельствуют данные о преступлениях, совершенных людьми в офицерских мундирах.

Перевод офицера на дальнюю окраину империи в мирное время, если таковой не сопровождался несомненным карьерным ростом, провоцировал вопросы о причинах такого перемещения. Распространенной практикой было предоставление провинившемуся выбора: неминуемый суд, рапорт об отставке или о переводе на Кавказ, в Туркестан, в Сибирь. По мнению А. В. Головнина, министра народного просвещения в 1859–1866 гг. и одного из реформаторов эпохи Александра II, русские в Финляндии в большинстве своем были «не в состоянии внушить большого уважения и сочувствия к России», поскольку были представлены в основном армейскими и казачьими офицерами, «мало образованными и нередко нетрезвой жизни»¹⁹. Трудно предположить, что на другом конце империи ситуация была иной.

Тесное общение представителей разных культур генерирует конфликты, поводом для которых является все, что маркирует чужого (обычаи, одежда, религиозные обряды и пр.). Военные, чувствуя себя представителями власти, свысока смотрели на штатских. По этой причине офицеры и солдаты не особенно церемонились с местными жителями даже в русских губерниях. Полковник К. Е. Гельман в 1821 г. получил в подарок от жителей городка Кимры (Тверская губерния) золотую табакерку с надписью: «За тихое и спокойное квартирование Ямбургского уланского полка»²⁰. В «национальных» окраинах солдаты и офицеры вели себя нередко как оккупанты. В записке генерала С. Ланжерона говорится о постое конца XVIII в.: «В Малороссии, в завоеванных областях (Литва, Белоруссия, Польша. — *В. Л.*)... русский солдат является бичом своего хозяина: он распутствует с его женой, бесчестит его дочь, выгоняет хозяина из его постели и иногда даже дома, ест его цыплят, его скотину, отнимает у него деньги и бьет его непрестанно...»²¹ Генерал И. П. Лазарев еще в 1802 г. был вынужден отдать приказ о повышении дисциплины, отмечая, что командиры частей, расквартированных в Грузии, «допускают подчиненных своих к причинению разных личных обид жителям и похищению у них скота, живности, плодов и прочего; опустошают их сады и огороды и, вынимая вино из кувшинов, врытых по обыкновению здешнему в землю, от безрассудной шалости наполняют их землей»²².

Но все это принимало острые формы, если полки размещались на основании постоянной повинности в домах обывателей. В Эриванской губернии солдаты и офицеры жили исключительно в специально построенных или выкупленных помещениях²³, не создавая дискомфорта жителям и не мешая производственной деятельности, а только формируя устойчивый спрос на услуги и товары.

Во всех губернских и в большинстве уездных центров, не говоря уже об обеих столицах, солдат с ружьем и примкнутым штыком являлся обычной деталью городского пейзажа. Ежедневно в Александрополе, в самом городе и в крепости на дежурство выходило 184 чел., формируя 44 поста²⁴, представляя публично вооруженные силы и надевая по такому случаю парадную форму. Солдаты и офицеры находились в самых важных точках города, придавая властным

структурам дополнительную значимость (поскольку они были достойны особой охраны).

Другой важной церемонией, принимавшей вид общественного события, был парад, проводившийся во всех гарнизонах и всех воинских частях в соответствии с «армейским» календарем. Войска печатали шаг под музыку в дни ежегодных полковых и церковных праздников, в дни царских именин, в так называемые викториальные дни (годовщины Куликовской, Полтавской, Бородинской битвы и т. д.), в «орденские праздники» (Св. Георгия Победоносца, Св. Александра Невского), во время проведения инспекций и т. д. В среднем таких шествий было не менее одного в месяц. Все церемонии были ориентированы прежде всего на само военное сообщество, поскольку только его представители разбирались в их тонкостях и могли что-то сказать о смыслах, лежащих в основе тех или иных манипуляций и перестроений. Для человека сугубо гражданского это был занимательный спектакль, но столь же малопонятный, как церковная служба для человека иного вероисповедания.

Нет надобности упоминать о важности культуры смерти (погребальные обряды, устройство кладбищ, церемонии поминовения и т. д.) в межнациональных и межконфессиональных отношениях. Огромный гарнизон Александрополя, размещение в нем лечебных учреждений военного ведомства в мирное и особенно в военное время, привели к радикальным изменениям на пространстве «вечного покоя» в этом городе. Вот свидетельство офицера, бывшего там во время Крымской войны 1853–1856 гг.: «В Александрополе между городом и крепостью того же названия находится возвышенность, которая еще до войны была избрана местом для кладбища. Но до 1853 года эта возвышенность пестрела преимущественно плоскими из разноцветного камня памятниками, с надписями армянскими или грузинскими, и только изредка возвышались пирамидальные памятники с русскими надписями, указывавшими место вечного успокоения военного или гражданского чиновника, служившего в этом городе. Теперь же наоборот, возвышающиеся разных форм памятники с русскими надписями берут совершеннейший перевес над плоскими призматическими памятниками с армянскими и грузинскими надписями. Отдельный же песчаный холм, находящийся на южной оконечности кладбища и известный ныне под именем ХОЛМА ЧЕСТИ, на котором до войны не было ни одной могилы, в 1856 году весь изрыт ими»²⁵. Каждое 1 сентября здесь по установившейся традиции проходила памятная панихида «в присутствии всех наличных генералов, штаб- и обер-офицеров при известном числе нижних чинов войск, бывших в то время в Александрополе».

Трудно обойти вопрос о роли мундиров в месседжах, исходящих от власти. С 1802 по 1917 г. только общий вид (силуэт) российского военного изменился шесть раз, не считая сотен мелких дополнений-отмен (пуговицы, цвета, выпушки, петлички, кантики, ремешки и пр.). При этом армянская народная одежда претерпела незначительные изменения. В зависимости от остроты зрения

на значительном расстоянии люди различаются по общему силуэту (пальто, бурка, островерхая шапка и т. д.), на значительно меньшей дистанции различаются цвета одежды. Поэтому цветовая гамма униформы в плане информативности менее «дальнобойная» по сравнению с ее силуэтом, но более нагруженная при близком общении. Цветные детали расширяют возможности кодирования информации, и сложный пестрый мундир становится аналогией флотской сигнализации, когда вереница разноцветных флагов на мачте представляет собой сообщение, видимое всем, но понятное только посвященным.

Здесь уместно привести мнение специалистов, для которых одежда — предмет культурологического анализа: «Вводившиеся элементы как гражданского, так и военного мундиров во многом соответствовали направлениям европейской моды. Несмотря на то что форменный костюм был жестко регламентирован государством, его постоянные изменения невольно отражали изменения социокультурных кодов общества, его вкусовые пристрастия»²⁶. Была ли одежда русской армии каким-то «текстом» для местного населения? Служил ли мундир образцом для подражания или стимулом для поступления на службу? Эти вопросы ждут своего ответа, поскольку будут шагами в изучении процесса инкорпорации национальных окраин в состав империи и роли армии в этом процессе.

Таким образом, крепость Александрополь и выросший рядом с ней одноименный город организацией пространства, топонимикой, календарем, архитектурой, элементами армейской рутины и т. д. формировали комплекс символических посланий. Это были в большинстве своем бессознательные месседжи, адресованные прежде всего внутрь России, понятные в основном образованным людям, причем не просто имевшим некий багаж исторических знаний, но включенным в достаточной степени в презентационные практики. Именно у таких людей, понимавших язык аллегорий, подобные действия властей напоминали произнесение первых слов куплета, который затем подхватывался хором.

Рецепция посланий — один из сложнейших вопросов, и пока нет ответа на то, как эти послания понимали местные жители. Для этого необходимо провести специальное исследование по методике, адекватной поставленной задаче, но в том, что крепости, расположенные на окраинах империи с инородческим населением, излучали «имперские сигналы» разной интенсивности и разного характера, сомневаться не приходится.

¹ *Гефнер О. В.* Военные парады в общественной и культурной жизни городов Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2015. № 2 (6). С. 136.

² Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 16. Ч. 6. Эриванская губерния. СПб., 1853. С. 7, 120–121; Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее — АКАК) Т. III. Тифлис, 1869. С. 242, 442, 525; АКАК. Т. V. Тифлис, 1873. С. 55.

- ³ Полное собрание законов Российской империи. Т. XII. № 10627. 31 октября 1837 г. С. 821.
- ⁴ Яковлев В. В. История крепостей. М., 2000. С. 145.
- ⁵ Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи: каталог. М., 2021. С. 230–231.
- ⁶ АКАК. Т. III. Тифлис, 1869. С. 544–546, 555; Арпачайское сражение // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. II. СПб., 1890. С. 190; То же. Военный энциклопедический лексикон. Ч. I. СПб., 1857. С. 533–535; То же. Энциклопедия военных и морских наук. Т. I. СПб., 1883. С. 201–202.
- ⁷ Подсчитано по: Указатель мест расположения полковых и венных церквей. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgia/pointer/121> (дата обращения 10.05.2025).
- ⁸ Антонов В. В. Александр Штауберт // Зодчие Санкт-Петербурга XIX — начала XX века. СПб., 1998. С. 203–210.
- ⁹ Лебедева И. И. Историко-архитектурный комплекс северо-западного сектора Омской крепости. URL: http://museum.omskelecom.ru/ogik/Izvestiya_8/Lebedeva.html (дата обращения 10.05.2025).
- ¹⁰ Лавренова О. А. Культурный ландшафт как знаковая система // Философия и культура. 2010. № 3. С. 61–70; Мамфорд Л. Культура городов. М., 2001.
- ¹¹ Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи. С. 340–341; Потто В. А. Карские торжества в 1910 году и четыре штурма Карса. Тифлис, 1911. С. 26–50.
- ¹² Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 16. Ч. 6. Эриванская губерния. СПб., 1853. С. 259.
- ¹³ Ольшеский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866. Записки // Русская старина. 1894. Т. 82. С. 65.
- ¹⁴ Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазийском театре. Т. I. СПб., 1904. Приложения. С. 23–24.
- ¹⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 16. Ч. 6. Эриванская губерния. СПб., 1853. С. 185–186.
- ¹⁶ Исмаил-Заде Д. И. Население городов Закавказского края в XIX — начале XX в. М., 1991. С. 85.
- ¹⁷ Яшвилъ Н. В. Князь Николай Владимирович Яшвилъ. Походные письма. (1877–1878 гг.). София, 2007. С. 35–36.
- ¹⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. 1841 год. Оп. 16. Д. 79. Л. 1–37; Цицианов Д. И. Настоящий ревизор: комедия в трех днях или действиях, служащая продолжением комедии «Ревизор», сочиненной г. Гоголем. СПб., 1836.
- ¹⁹ Головин А. В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 68.
- ²⁰ Крестовский В. В. История 14-го уланского Ямбургского полка. СПб., 1873. С. 345.
- ²¹ Ланжерон С. Русская армия в год смерти Екатерины // Русская старина. 1895. Т. 83. С. 151–152.
- ²² АКАК. Т. I. Тифлис. 1876. С. 412.
- ²³ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 16. Ч. 6. Эриванская губерния. СПб., 1853. С. 254.
- ²⁴ Там же. С. 297–298.
- ²⁵ Ольшеский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866. Записки. С. 65.
- ²⁶ Курочкина Е. Н., Игнатъева А. О., Лось О. К. Цвет гражданской форменной одежды в России конца XVIII–XIX века как индикатор социокультурной идентичности эпохе // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 4. С. 156.

References

- Antonov, V. V. Aleksandr Shtaubert [Alexander Staubert. In Russ.]. In *Zodchie Sankt-Peterburga XIX — nachala XX veka*. St. Petersburg, Lenizdat, 1998. P. 203–210.
- Gefner, O. V. Voennye parady v obshchestvennoi i kul'turnoi zhizni gorodov Zapadnoi Sibiri v kontse XIX — nachale XX vv. [Military Parades in the Public and Cultural Life of Western Siberian Cities in the

Late 19th — Early 20th Centuries. In Russ.]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"*. 2015. No. 2 (6), pp. 136–139.

Ismail-Zade, D. I. *Naselenie gorodov Zakavkazskogo kraia v XIX — nachale XX v.* [Population of the Cities of the Transcaucasian Region in the 19th — Early 20th Centuries. In Russ.]. Moscow, Nauka, 1991. 254 p.

Kurochkina, E. N., Ignat'eva, A. O., Los', O. K. Tsvet grazhdanskoi formennoi odezhdy v Rossii kontsa XVIII — XIX veka kak indikator sotsiokul'turnoi identichnosti epokhe [The Colour of Civilian Uniforms in Russia of the Late 18th — 19th Centuries as an Indicator of the Socio-Cultural Identity of the Era. In Russ.]. In *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*. 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 145–158.

Lavrenova, O. A. Kul'turnyi landshaft kak znakovaya sistema [Cultural Landscape as a Sign System. In Russ.]. In *Filosofia i kul'tura*. 2010. No. 3, pp. 61–70.

Lebedeva, I. I. *Istoriko-arkhitekturnyi kompleks severo-zapadnogo sektora Omskoi kreposti* [Historical and Architectural Complex of the North-West Sector of the Omsk Fortress. In Russ.]. URL: http://museum.omsklecom.ru/ogik/Izvestiya_8/Lebedeva.html (date of access 10.05.2025).

Mumford, L. *The Culture of Cities*. New York, Harcourt, Brace and company, 1938. 586 p.

Sokol, K. G. *Monumental'nye pamyatniki Rossiiskoi imperii. Katalog* [Monumental Monuments of the Russian Empire. Catalogue. In Russ.]. Moscow, 2021. 504 p.

Yakovlev, V. V. *Istoriya krepostei* [History of Fortresses. In Russ.]. Moscow, AST, 2000. 400 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. В. Лапин. Крепость Александрополь — пространство имперской интеграции. Символический аспект // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 161–173

Аннотация: Военно-политическая обстановка в пограничных районах Российской империи требовала строительства крепостей в стратегически важных точках. Эти фортификационные сооружения вкпе с комплексом зданий, необходимых для жизнедеятельности гарнизона, играли роль не только в системе обороны от внешних угроз, но и для поддержания спокойствия местного населения. Одновременно организация пространства крепостных комплексов, их архитектура и даже названия твердынь и их частей (бастионы, фронты, ворота и т. д.) представляли собой имперские меседжи, несли значительную символическую нагрузку. Рядом с ними возникали форштадты и даже города разного масштаба, населенные в основном коренными жителями национальных окраин. Последние, являясь невольными свидетелями проявлений армейской рутин (хозяйство, воинские церемонии и т. д.), оказывались в особом культурном пространстве. Значимость последнего усиливалась тем, что российские военные в мирное время составляли около трети населения города и уезда, а в годы войны проживавшие там армяне оказывались в меньшинстве. В фокусе внимания — Александрополь, который был единственной крепостью европейского типа в Закавказье, построенной в 1830–1850-е гг. в приграничном районе Армянской области на месте укрепления Гумры, основанного в 1807 г. Разнообразные символические послания были адресованы прежде всего «вовнутрь» для поддержания имперской идентичности в инородной культурной среде, но невозможно отрицать, что они оказывали влияние и на местное население, создавали условия для имперской интеграции.

Ключевые слова: армия Российской империи, Закавказье, взаимодействие культур, крепость Александрополь.

FOR CITATION

V. V. Lapin. The Alexandropolis Fortress is a Expanse of Imperial Integration. The Symbolic Aspect // Petersburg Historical Journal, no. 3, 2025, p. 161–173

Abstract: The military and political situation in the border regions of the Russian Empire required the construction of fortresses in strategically important points. These fortifications, together with a complex of buildings necessary for the life of the garrison, played a role not only in the defense system against external threats, but also in maintaining the “peace” of the local population. At the same time, the organization of the space of the fortress complexes, their architecture and even the names of the strongholds and their parts

(bastions, fronts, gates, etc.) represented imperial messages and carried a significant symbolic load. Near them, suburbs and even cities of various sizes arose, populated mainly by indigenous residents of the national outskirts. The latter, being involuntary witnesses to the manifestations of army routine (housekeeping, military ceremonies, etc.), found themselves in a special cultural space. The significance of the latter was enhanced by the fact that Russian military personnel in peacetime constituted about a third of the population of the city and district, and during the war, the Armenians who settled there found themselves in the minority. The focus is on Alexandropol, which was the only fortress in Transcaucasia, built in the 1830–1850s in the border region of the Armenian region on the site of the Gumry fortification, founded in 1807. Various symbolic messages were addressed primarily “inward” to maintain imperial identity in a foreign cultural environment, but it is impossible to deny that they also influenced the local population and created conditions for imperial integration.

Key words: army of the Russian Empire, Transcaucasia, interaction of cultures, fortress of Alexandropol.

Автор: Лапин, Владимир Викентьевич — д. и. н., научный сотрудник факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, исполнитель по гранту (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Lapin, Vladimir Vikentyevich — Dr. of Sci. in History, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia).

E-mail: lapin.ww@yandex.ru; lapin@eu.spb.ru

ORCID: 0000-0002-6231-1977